

Часть I

Телевизор в большой комнате, или в зале, как торжественно величала ее мама, был включен на полную мощность, разнося хорошо поставленный голос дикторши из программы «Время» по всем закоулкам дома. Впрочем, как всегда — мама была глуховата на ухо. Что ж, надо терпеть. Не ее, конечно, а громкую передачу, потому что это — святое дело. Каждый вечер, хоть «небо разверзись», как говорит старшая сестра Наталья, телевизор, как по расписанию, начинает «орать» о происшествиях... И ладно бы стоящие новости были. Так, общая говорильня об одном и том же, переливание из пустого в порожнее. Нет, ничего страшного, конечно, в этом нет, полчаса перетерпеть можно... Тем более уже в привычку вошло — плаваешь и плаваешь в этом потоке надоедливых фраз, не имеющих к ее малолетней девчачьей жизни никакого, собственно, отношения. Какая уж тут биология с географией, когда над

ухом вьется громкое многословие-тарабарщина...

Тяжело вздохнув, Надя подняла голову от учебника, состроила себе смешную радостно-торжественную гримасу, зашевелила в такт дикторскому голосу губами — «...и в эти последние дни уходящего тысяча девятьсот семьдесят восьмого года партия и правительство подводят итоги первых широкомасштабных реформ во всех сферах жизни советского общества, провозглашающих политику гласности и перестройки в духе демократического социализма...».

— Надька, перестань кривляться! Я все вижу! Давай лучше уроки учи! — сердито прикрикнула мама, прогнувшись спиной на стуле и заглядывая в проем смежной с залой комнаты.

— Мам... И впрямь, сделай потише, уж очень орет... — подала голос Наталья, зевнув во весь рот. — Чего там особенного слушать-то, каждый божий день одно и то же...

— Может, тебе и нечего! А я обязана быть в курсе всех событий, у меня должность такая! Понимать должна, не маленькая! Орет ей, видите ли...

Но руку все же к телевизору протянула, сердито защелкала рычажком громкости, снизив звук до минимума. Даже слышно стало, как позвякивает ложка в Натальиной чашке с

чаем, как шелестит по оконному стеклу сухой снежной поземкой декабрьский вьюжный ветер.

— Подумаешь, должность — парторг на швейной фабрике... — тихо проворчала Наталья, отхлебывая чай. — Нашим теткам на конвейерной линии только и есть дел, что гласность в духе перестройки обсуждать...

— Ай-ай... Ишь, как заговорила, посмотри-те-ка на нее! — беззлобно усмехнулась мама. — Да если б не я, как бы ты в начальники цеха в свои двадцать семь лет вылезла? Сидишь себе в конторке, в тепле, отчеты строчишь... Люди вон годами такую должность добывают, а тут раз — и в дамки! Ох, и наглющая ты у меня девка, Натаха, как посмотрю...

— При чем тут моя должность и перестройка с гласностью? В одну-то кучу все не вали!

— Ладно, не заводись. А то я не знаю, как ты умеешь, с пол-оборота...

— Так первая начинаешь! Сама бы хоть понимала чего! Выучила нужные слова и толкаешь их на собраниях, как лозунги, — да здравствует гласность и перестройка! Вдумалась бы, что за этим стоит...

— Ну? И что такое страшное там стоит? Смерть с косою?

— Да ну тебя, мам... Вот как с тобой серьезно разговаривать? Ты ж непроходимая, как лесная чащоба!

Надя в своей комнатухе уже со страхом вслушивалась в их диалог, улавливая в сестринском голосе нарастающие истерические нотки. Наташа в спорах бывала гневлива и раздражительна, заводилась буквально с пол-оборота — мама сейчас правильно сказала. А соседка, добрейшая Полина Марковна, однажды по поводу этого вердикт вынесла: мол, замуж Натаху надо спровадить, и все как рукой снимет... Мама же вполне резонно возразила: легко сказать! Можно подумать, по их жалкому поселку при швейной фабрике каждый день кавалерийские полки гарцуют и томящихся свободой девиц высматривают!

— Вот скажи, ты помнишь, как третьего дня к нам лектор из области приезжал?

— Помню, конечно... — задумчиво вздохнула мама, с опаской глядя на старшую дочь. — Умный такой парнишка... Женатый только, двое детей...

— Да при чем тут двое детей! Я ж не об этом... Помнишь, как он на последний автобус опоздал и его к нашим девкам в общежитие на ночь определили?

— И что? — напряженно разогнула спину мама.

— А ничего! То есть в том смысле, каком ты сейчас подумала, — как раз и ничего... Нет, девки-то по-своему расстарались, конечно. И стол накрыли, и подпоили, а толку — ноль...

— Ну и замечательно! Значит, порядочный парень попался!

— Да я не к тому! Вот всегда у тебя голова в одном направлении работает! Везде только аморалку видишь!

— Но ты ж сама начала про этого парня...

— Ладно, неважно. То есть не в этом суть. В общем, подпоили, он за столом язык-то и развязал... Развыступался, только шум стоял! По пьяной лавочке все рассказал, что умные люди с изнанки этой перестройки да гласности углядели!

— И что там такого, интересно?

— А то, чего ни в какой программе «Время» никогда не расскажут. Например, что скоро нам всем неминуемый трындец придет... И партии твоей тоже полная хана будет. Останешься без работы в свои предпенсионные пятьдесят...

— Ой, да типун тебе на язык, Наташка! И как он у тебя на такую антисоветчину поворачивается! Как это — без партии? Думай, что говоришь! Смотри, не брякни где-нибудь, а то неприятностей не оберешься! Еще и при сестре! Надька, не слушай, уроки учи!

— Да я учу, учу, мам...

— Ну, все, понесло... — раздраженно отмахнулась Наталья. — Разве можно с тобой вообще о чем-то нормальном поговорить...

— А не надо со мной ни о чем таком гово-

рить! Вот погоди, я еще разберусь с этим лектором, сообщу куда следует!

— Только попробуй! Вообще из дому уйду!

— И куда это, интересно знать? Кто и где тебя ждет, кроме матери? Да если б кто был, сама бы с удовольствием спровадила...

В комнате застыла предгрозовая тишина. Надя втянула голову в плечи, ожидая Натальиной взрывной отповеди. Может, еще хуже будет. В прошлый раз, например, в пылу подобного разговора сестрица тарелку с супом на пол опрокинула и тут же успокоилась, через десять минут пол подтерла и мирно села с мамой чай пить. А еще Наташа действительно может подскочить и убежать с плачем, сильно хлопнув дверью. И тогда мама будет плакать, ждать ее до ночи, в окна выглядывать...

— Ладно, чего мы... Обе, как ненормальные. На пустом месте ссору затеяли... — заискивающе произнесла мама, вставая из-за стола. — Пойду-ка лучше чайник подогрею. Совсем остыл... Ой, у меня же в сумке коробка конфет, клюква в сахаре, совсем забыла! Нынче по благу в буфете давали! Сейчас принесу...

Младшая выдохнула — на сей раз пронесло вроде. Молодец мама, вовремя собралась-одумалась. А клюква в сахаре — это хорошо. Исключительно вкусно!

— Надька, иди чай с конфетами пить! —

позвала Наташа из комнаты довольно миролюбиво. — Потом уроки доделаешь!

— Ага, иду! — та с готовностью подскочила, успев сделать закладку в учебнике географии.

— Вот, девчонки, налетайте... — торжественно выложила мама в центр стола белую с красными разводами коробочку. — Сегодня руководящему составу в буфете наборы давали: сервелат финский, болгарские помидоры в собственном соку да вот конфеты... А в нагрузку фасоль в томатном соусе да консервы «Завтрак туриста». Совсем обнаглели — даже нам с нагрузкой давать начали... Колбасу с помидорами на Новый год оставила, а конфеты, так и быть, ешьте!

— Угу... — решительно открыв коробочку, Наталья цапнула белый сахарно-пудренный шарик, понесла в рот и, зажмурившись от кислосладкого вкуса, произнесла шепеляво:

— Мам, я тебя спросить хотела: в нашем цеху ремонт намечается, да?

— Не знаю... С чего ты взяла?

— Да к нам сегодня парень из стройуправления приходил... Обмерял что-то, приглядывался.

— Что за парень?

— Ну, парень как парень... Симпатичный такой. Девки говорят: молодой специалист из области, после техникума в наше стройуправление распределили.

- Надо же... А лет сколько?
- Да вроде двадцать два... Или двадцать три... Если армия да плюс техникум... В общем, молодой совсем.
- Ну, не такой уж молодой. Он откуда? Из каких мест?
- Не знаю. Говорят, вообще детдомовец.
- Что ж... Детдомовец — это хорошо...
- Ничего себе, сказанула! Чего ж хорошего-то, мам?
- Да я не в том смысле... Получается, у него в наших местах никого нет... Слушай, Натах, а может, мы его на Новый год позовем?
- С чего это?
- А что такого? Доброе дело сделаем... Должен же парень где-то отпраздновать! Почему не у нас? Если стесняешься, давай сама приглашу! Я же парторг, обязана о молодых, перспективных кадрах заботиться!
- Ой, все я поняла с твоей заботой! Жениха мне ищешь, да?
- А хоть бы и так, что с того? Хватит в девках-то сидеть! Двадцать семь стукнуло, а она все сидит как квашня!
- Мам, ты не ослышалась случаем? Ему двадцать два года всего!
- И что? Пять лет — невелика разница.
- Ой, да ну тебя, ей-богу... Не смейся...
- Ладно. Смешить не стану. Но парня Новый год отмечать позову, не обессудь. А там

уж как сложится. Какая у него фамилия, говоришь?

— Серый. Сергей Серый.

— Ох, матушки, ну и фамилия...

Надя тихо прыснула в кулачок, лукаво глянула на вмиг смутившуюся Наталью. Всегда краснощекое лицо сестры сделалось совсем жарким, глаза блеснули сердитым огнем, выбившаяся из-под заколки-обруча прядка жестких волос нервно дрогнула над маленьким узким лбом. Вот зря она сердится — лицо совсем некрасивым делается. А когда улыбается, наоборот, вполне даже ничего. Все говорят, в эти моменты на маму в молодости похожа. А та на старых фотографиях такая красавица: взгляд смелый, в глазах веселый задор, толстая коса через плечо! Папа, помнится, ее называл «моя Фурцева»... И никогда ни в чем не перечил. Как-то умел потихоньку проворачивать — спорить не спорил, а делал все по-своему... Мама говорит, что она, Надя, якобы в него характером пошла — тоже молчунья, себе на уме. И пальцем при этом грозит. Хотя чего плохого, скажите, быть себе на уме? Вот Софья Михайловна, их классная руководительница, наоборот, заявляет, что иметь на все собственную точку зрения — это замечательно...

— Надька, все уроки сделала? Сидит тут, взрослые разговоры слушает! Еще и хихикает, главное!

— Да ладно тебе, Наташ... — вступилась мама, — и впрямь неказисто звучит — Сергей, да еще Серый...

— Можно подумать, у нас фамилия княжеская — Истомины! И вообще... При чем тут фамилия? К нам-то с какого боку припеку?

— Конечно, конечно... Ни с какого... — покладисто закивала головой мама, явно думая о чем-то своем. — Значит, на Новый год индюшку в духовке зажарю, пирог с рыбой испеку и с капустой... А для компании можно Полину Марковну позвать, она та еще балаболка, с ее трескотней даже уютнее будет...

— Ты о чем? — сердито осадил ее Наталья. Но чувствовалось, что сестра вовсе не сердится, а будто смущается. Или сердится, но тоже как-то понарошку.

— Как о чем? — мама удивленно подняла плечи. — Решили же паренька-детдомовца в дом на праздник позвать. Надо, чтоб все честь по чести было!

— Так уж и решили?

— Ну да...

— Ой, делай как знаешь! Вечно тебе какая-то блажь в голову придет... Надька, иди уроки учи!

Младшая допила чай, сунула в рот еще одну конфетку и послушно поднялась из-за стола. И впрямь, параграф из учебника географии недочитанным остался. Так, на чем там

глаз остановился... Ага, значит, большая часть Восточно-Европейской равнины относится к той области умеренного пояса, где наблюдается постепенный переход от морского климата к континентальному... Вот бы сейчас попасть в тот самый морской климат, как по мановению волшебной палочки! Раз — и уже в море купаешься... Когда отец жив был, они, помнится, всей семьей на море ездили, в Одессу. Он е там плавать учил... Жалко его. И откуда только эти проклятые смертельные болезни берутся? Когда папу хоронили, девочка для себя решила — обязательно врачом будет, чтобы уметь их лечить. Чтоб другие дети без отцов не оставались...

Хотя у этого детдомовца, которого мама собралась пригласить на Новый год, наверняка никого не было. Интересно, как это — без родителей? Скорее всего, он совсем грустный, этот Сергей Серый. Серенький, жалкенький... Хотя нет, они ж вроде не такие, детдомовцы, судя по известной группе «Ласковый май»! Наоборот, шустрые, песни под гитары поют! А может, этот парень вообще на Юру Шатунова похож? Тогда зачем ему вечно сердитая Наташка? Юра — он же такой... Глаз оторвать невозможно! Как запоем: «Белые розы, белые розы» — аж мурашки по коже бегут...

А мама-то хитренькая. Сразу понятно, зачем его решила позвать... Надеется старшую дочь замуж выдать! Ха, посмотрим...

* * *

— Ох, ну и морозец сегодня! Бегом до дому бежала...

Наталья торопливо расстегнула пуговицы пальто, аккуратно сняла с головы белый платок-паутинку, тут же сунулась к зеркалу, чтобы поправить прическу — немислимо кудрявое сооружение под толстым слоем лака. Надя смотрела во все глаза — сроду таких кудрей на сестринской голове не было... Не прическа, а мамина каракулевая шуба, которую та надевала по праздникам!

— Посмотри! — звонко выкрикнула Наташка в сторону кухни. — Как тебе?

— Ух ты, помереть можно! — выглянула оттуда распаренная от новогодней готовки мама. — Красавица моя писаная! А я костюмчик тебе нагладила, тот, красненький... Ну, который из Чехословакии привезла, когда меня в поездку от райкома партии включили... Иди-ка надень, посмотрим, как будет с причесочкой-то!

— Ага, сейчас!

Сестра торопливо нырнула в комнату и вскоре показалась в дверном проеме в костюмчике: узкая юбка чуть выше колен, пиджачок с воланом-воротником и такими же рукавами. На шее — золотая цепочка с кулоном-сердечком, стыдливо сбегающим в ложбинку груди. В ушах — такие крупные золотые серьги с

камнями-рубинами, что мочки смешно оттянулись.

— Мам, я твои серьги надела... Ничего?

Та не успела ответить — в дверь с шумом ввалилась Полина Марковна, бухнула на скамейку прикрытую полотенцем эмалированную расписную плошку.

— Девки, а холодец-то у меня подморозился! С вечера оставила в сенцах да и забыла... Не знаю, отойдет ли к столу-то! Ух ты, Наташка, какая ты расфуфыра нынче...

— Так праздник же, тетя Польша! Как встретишь Новый год, так его и проведешь! Может, я весь год собираюсь красивой ходить?

— Ну-ну, куда там с добром... — понимающе хихикнула Полина Марковна, со значением глянув на старшую подругу. — Татьяна, может, помочь чего?

— Ага, давай, а то с салатами не успеваю! — призывно махнула рукой мама. И, обернувшись, кинула на ходу: — Надька, чего стоишь как истуканша? Иди платью новое надевай!

— Ой, ну мам...

— Не ойкай!

— Да ладно, ладно...

Не любила она это дурацкое платье: совсем детское, в красно-белую клеточку, воротник под самое горло, юбка солнце-клевш ниже колен. Даже вытачек для груди нет... Вместо них — кармашки со смешными аппликациями.

Как в детском саду, ей-богу... Даже в зеркало на себя смотреть не хочется. Лучше уж к телевизору присесть, досмотреть «Соломенную шляпку» с красивой актрисой Людмилой Гурченко...

— На вот, бокалы полотенчиком протри! — тут же дала ей работу мама, суетливо пробегая мимо накрытого в зале стола. — Да аккуратно, смотри не разбей! Чешские, всю дорогу над ними тряслась!

Около десяти часов стол был накрыт, исходил вкусными запахами приправленных майонезом салатов, горделиво пыжился припасенными к празднику дефицитами — нежной розово-соленой горбушей, веером тонких колбасных кружков, блюдцем с какими-то черными ягодами с чудным названием «маслины». Она тихонько стянула одну, сунула в рот... И тут же выплюнула. Ничего себе, дефицит! Горечь-соленость одна, проглотить невозможно!

А ровно в десять раздался робкий стук в дверь, и все дружно вздрогнули, будто не ожидали. Мама первая рванула открывать, развязывая на ходу фартук. И тут же задрезбужала приветливой скороговоркой:

— Заходи, заходи, Сережа, молодец, что пришел! Давай раздевайся, пальто можно вот сюда... И не стесняйся, у нас все по-простому! Наташенька, где ты там? Сережа пришел!

— Привет... — девушка вальяжно выплыла в прихожую, небрежно теребя золотое сердечко на груди. — Ну, шампанское-то с мандаринами зачем принес?.. У нас же все есть.

— Сереж, а это Полина Марковна, соседка наша! Моя мама, покойная, с ней дружила... — продолжала приветливо ворковать хозяйка. — Мы вообще все хорошо общаемся, и Новый год всегда вместе встречаем! А вот еще Наташенькина сестра, младшая моя дочка... Наденька, ты где?

Та робко ступила в прихожую, подняла глаза... Нет, вовсе он не был похож на Юру Шатунова. Обыкновенный, как все: светловолосый, синеглазый, с детскими ямочками на щеках. Вот нервным жестом оправил черный свитерок, торопливо провел пятерней по волосам. И улыбнулся так искренне, будто плеснул благодарностью — я весь ваш, ребята, спасибо, что пригласили...

— Надюшка, поздоровайся, чего стоишь как неродная! — окликнула весело мама.

— Здрасьть... — смущенно пролепетала девочка, глупо и не к месту пожав плечами.

На нее и впрямь накатило неумное стеснение, обволокло с головы до ног, задрожало тоненько в горле. И рука сама по себе потянулась к волосам, устроившимся русой волной на плече, зачем-то перекинула их назад, за спину. Щеки покрылись пунцовым румянцем — как

она его терпеть не могла, этот румянец стеснения! Ну, чего все на нее уставились, что она им, Людмила Гурченко из телевизора?

— Ишь, красота какая растет... — вздохнув, тихо произнесла Полина Марковна.

— И не говори, растет и растет... Уж тринадцатый год пошел... — подхватила Татьяна, улыбаясь, — платье-то весной на вырост покупали, а теперь, гляди-ка, почти мало... Не знаю, что и дальше будет...

— Мам, тетя Поль, ну чего мы все здесь столпились! Давайте за стол садиться! — командовала Наташка, стрельнув по лицам обеспокоенным взглядом.

— Ой, и впрямь! — засуетилась мама, снова ласково зазывая гостя: — Проходи, проходи, Сереженька... Не стесняйся, будь как дома, у нас все просто, без этикетов! Вот сюда, поближе к салату оливье. Любишь его?

— Да я все люблю, Татьяна Ивановна. Что на тарелке есть, то и люблю.

Присаживаясь, Надя глянула на парня исподтишка — надо же, опять улыбается. Так и брызжет из глаз веселой приветливостью, нежно-голубоглазой и беззащитной, причем такой, что хочется прикрыть ее руками, утишить, укоротить...

— Ага! Вот и молодец! Давай-ка тарелку, я тебе всего положу, ешь на здоровье! — продолжала буйно гостеприимствовать мама. — А то,

знаешь, мужика у нас нет, даже и похвалить за вкусную еду некому! Ты пока налей всем вина, поухаживай за дамами...

— Да уж, без мужика в доме шибко плохо! — подхватила эстафетную палочку Полина Марковна. — Ни гвоздя вбить, ни крышу починить... Три бабы неприкаянные — чего они могут-то? Борщи варить да чистоту блюсти? Так этого не отнимешь, конечно... Всегда в доме обед есть...

— Ладно, Марковна, хватит! — оборвала ее причитания Татьяна Ивановна. — Давай лучше праздновать, Новый год на носу!

Разобрались наконец с бокалами, салатами, переглянулись неловко: кто первый тост скажет? И снова Полина Марковна оказалась на высоте, приосанилась, заговорила душевно:

— Ну, проводим по обычаю старый год, значит... С добром проводим, чтоб наступающего не испоганил. А в новом пусть всех здесь присутствующих по-своему счастье найдет... Чтоб дом — полная чаша, чтоб умели друг дружке дать то, чего у самого в избытке, а другому по жизненной неурядице не хватает... Эх, да что там...

Взмахнула полной ладонью, вытянула из бокала до доньшка, зажмурилась сладко:

— Какое винцо-то у тебя знатное, Татьяна Ивановна, надо же! Крепенькое, сразу мозги сшибает!

— Это не вино, Полина Марковна, а рябина на коньяке! — весело поправила ее Наташка, едва пригубив из своего бокала. — Страшный дефицит, между прочим!

— Так кто ж спорит, что дефицит! Нынче что повкуснее — то и дефицит... — и, обернувшись к Сергею, спросила коварно: — Может, тебе водочки, а?

— Нет, спасибо, я водку не пью.

— Что, совсем?

— Совсем. Нельзя. Говорят, отец мой алкоголиком был. Потому даже пробовать не хочу, извините...

Сказал так просто, будто попросил солонку с другого конца стола передать. Надя видела, как напряглась мама, как нервно затеребила серьгу в ухе Наташка. Только Полина Марковна совсем не смутилась, продолжая свое простодушное дознание дальше:

— А мама кто была?

— Ее совсем не помню. Она меня двухлетнего у бабушки оставила, а потом сгинула где-то и больше не объявилась. Когда бабушка умерла, меня в детдом забрали...

— Марковна, чего к человеку пристала, уймись! Может, ему неприятно... — тихо проговорила мама, подкладывая гостью очередную порцию салата.

— Да ничего, Татьяна Ивановна, все нормально, — спокойно произнес Сергей, чуть

улыбнувшись. — Мне скрывать нечего, я сам свою жизнь строю, что есть, то есть. Давайте лучше за ваш дом выпьем, хорошо у вас... За окном вьюга, холод, а тут тихо, тепло, чисто... Настоящий, семейный...

Надя вдруг увидела, как он нежно теребит пальцами крахмальную льняную салфетку, как незаметно проводит ладонью по вышитому синей гладью цветочку на скатерти. Проследила взглядом за сестрой — та тоже внимательно смотрела на его руки...

— Это скатерть старинная, Сереж, — чуть наклонившись, произнесла Наталья с долей интимной снисходительности в голосе. — Она от бабки маме в приданое досталась. Сейчас уже не модно, конечно... Но у нас все по-простому, мы за тенденциями не особенно следим...

— Да. Очень красиво, — доверчиво кивнул Сергей. — Ну, давайте же выпьем за ваш дом, пусть в нем всегда будет тепло и счастливо!

Выпили, снова принялись жевать. Наташка глянула на экран телевизора, подскочила, прибавила звук, и комната наполнилась тревожным голосом популярного певца, закружилась вихрем нежная мелодия «Меж нами памяти туман,/Ты как во сне, ты как во сне...».

— Ишь ты, безобразник, как портками ляжки-то обтянул! — нарушила своим комментарием возникшее очарование Полина

Марковна. — И как только его, волосатого, в телевизор пустили!

Наталья с Сергеем переглянулись, усмехнулись в унисон. Парень — по-доброму, старшая сестра, пожав плечами, — сердито-снисходительно. Соседка, видимо учуяв свою оплошность, заговорила поспешно:

— Серезенька, ты ж холодца моего еще не пробовал! Я по всем правилам его снаряжала, с чесноком, с лаврушкой!

— Спасибо, Полина Марковна, очень, очень вкусно...

Надя вздохнула, отпила вишневого компота из бокала. Странное напряжение от происходящего за столом не отпускало ее, глаза вдруг сделались болезненно-зоркими, вбирающими все мелкие детали... Вот Наташка потянулась, вилкой ткнула кусочек холодца с тарелки гостя, хихикнула игриво. Понимающе переглянулись мама с Полиной Марковной, сморщили губы в сдерживаемых довольных улыбках. А Сергей... Этого всего и не замечает, по-прежнему улыбается так искренне, так доверчиво! Вот и в ее сторону посмотрел, подмигнул дружески. И снова загорелись щеки. Девочка схватилась за бокал, глотнула противный теплый компот...

— Ой, а время-то, смотрите-ка, без десяти двенадцать! — вдруг всполошилась Наташка, подпрыгнув на стуле. — Мам, неси шампан-

ское из холодильника, а то за разговорами Новый год пропустим!

— И правда, — метнулась та на кухню, дожевывая на ходу, — чуть не проглядели...

— Ну, с богом! — торжественно произнесла Полина Марковна и зачем-то истово перекрестилась, возведя глаза к потолку.

Вот уже без пяти минут...

— Тихо! Надька, сделай телевизор погромче! Сейчас генеральный секретарь коммунистической партии будет с обращением к народу выступать! — торжественно скомандовала мама, протягивая принесенное шампанское Сергею.

— Ой, мам... — недовольно взглянула на нее Наташка. — Ты еще по стойке «смирно» встань...

Женщина ничего не ответила, лишь отмахнулась и недовольно свела брови, зорко вглядываясь в экран телевизора, где генеральный секретарь, проникновенно глядя в глаза своему народу, успел произнести первые строчки обращения: «...последние минуты отсчитывает уходящий в историю тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год...»

— Как будто мы без него не знаем, что последние... — тихо пробурчала на ухо Сергею Наташка. — Давай, открывай шампанское, а то не успеем...

Все! Забухали звоном куранты на Спасской

башне Кремля, с шумом вылетела пробка из бутылки, полилось искрящееся шампанское по бокалам под аккомпанемент дружного бабьего «а-а-а»...

Надя, как все, подставила бокал, поймала толику новогоднего напитка. Мама, правда, успела недовольно округлить глаза, но в такой момент уже не до строгого воспитания! Тем более сам генеральный секретарь только что призвал новый, тысяча девятьсот восемьдесят девятый достойно встретить!

— Сереж, загадывай скорее желание! — вдруг тихо скомандовала Наташка, поднося свой бокал к губам. — Я вот, например, загадала...

— И я... И я — загадал...

То ли шампанское в нос шибануло, то ли вспыхнувшая внутри догадка так неприятно поразила ее... Но отчего-то сразу открылась не произнесенная вслух подоплека этих желаний. Ну, с Наташкой-то все понятно, но Сергей... Как же он разрешил так легко себя облапошить?

— Ура! С Новым годом, с новым счастьем, поздравляю, мамочка! Надька, с Новым годом! Полина Марковна, Сережа!

Принялись возбужденно прикладываться друг к другу с поцелуями. Сергей вступил в эту обманную чехарду и потянулся губами к щеке Нади. Она вздрогнула, отстранилась,

глянула на него, видать, в таком отчаянии, что он застыл, удивленно таращась. Но в следующую секунду отвлекся, глядя, как смахивает со щеки слезу умиления сентиментальная Полина Марковна.

А странное чувство-отчаяние не отпускало. Может, воздуху не хватает? Вдохнула поглубже, застыла, удерживая его, а на выдохе... Вдруг расплакалась. Глупо, смешно, по-ребячьи. Навзрыд.

— Надька, Надь... Ты чего? Что это с тобой, а? — строго проговорила мама, будто извиняясь перед гостем за поведение дочери.

— Чего, чего! — выступила вперед Полина Марковна, протягивая ладони и обхватывая ее за плечи. — Не надо было дитю шампанского наливать, вот чего! Как на него ни гляди, а все одно — вино! Много ли надо-то ребенку... Чуть глотнула, уже и расклёкало!

— Ну все, Надежда, отметила Новый год, и ладно... — снова сдержанно-строго произнесла мама. — Иди, иди спать... Надо же, выдала номер, аж перед людьми неудобно...

Та с шумом отодвинула стул, бросилась в комнату в закутке, захлопнула за собой дверь. Последнее, что видела, — сочувствующий Сережин взгляд... По-настоящему, искренний, без обмана. Так смотрит любящий брат на горячо любимую сестренку. Но легче не стало. Наоборот...

Свадебное гуляние плавно двигалось к завершающим аккордам вместе с угасающим июньским днем, довольно пасмурным. Уставшие звуки гармони резали на куски влажные сумерки, охрипшие от песен голоса были вялыми, нестройными, гасли в общем хмельном гомоне. Осунувшаяся от усталости мама присела на бегу к замшелой тетушке из Крюкова, примостившейся на завалинке.

— Теть Рая, да вы никак всплакнуть собрались? Радоваться ж надо...

— Да я радуюсь, Танюшка, радуюсь... Жаль, твой Иван до этого дня не дожил... Из родни нашей никого не осталось, все чужие нынче на свадьбе-то!

— Да, теть Рай, с родней у нас дефицит, что поделаешь. Судьба, видно, так распорядилась. Случись с моими девчонками чего — и голову приклонить не к кому.

— Ну тебя, не каркай! Чего с ними может случиться? Да и ты еще баба сильная, на тебе мешки таскать можно! А вот Григория зря, зря на свадьбу позвала, какой с него толк... Не в себе мужик, сразу видно...

— А как было не позвать, тетя Рая? Он же Иванов брат, хоть и двоюродный. Какой-никакой, а родственник. Других-то никого нету.

— Ты смотри, кабы из дома не спер чего!

— Я уж Надюшке наказала, чтоб за ним присматривала...

Дядя Гриша, папин брат, и впрямь был немного не в себе. То ходил неприкаянно по дому и по двору, заглядывал во все углы, то вдруг оборачивался к следующей за ним по пятам Наде, спрашивал резко:

— А ты кто — старшая или младшая Ванькина дочка?

— Я младшая... Старшая, Наташка, замуж выходит.

— А... Ну да. Ваня-то рано помер, жалко.

— Жалко, дядь Гриш...

Во дворе, где были накрыты столы, тем временем произошло небольшое оживление. Кто-то из гостей, исхитрившись незаметно пролезть под стол, стащил с ноги невесты белую туфлю, и все сгрудились вокруг добычи, выдавая веселые комментарии:

— Пусть жених невестину обувку выкупает, пусть раскошеливается!

— Да не... Не по обычаю жениху раскошеливаться, вы что...

— А как там по обычаю, что с ней теперь делать-то?

— Так надо в туфлю вина налить, пусть из нее пьет до дна, по-гусарски!

— Ух ты, здорово... Серега, чего пить будешь? Вино или водку?

— А ну, дайте-ка сюда... — решительно воспротивилась мама этим гусарским замашкам, выхватывая туфлю из рук хмельного затейника. — Ишь чего, обувь вином портить... Небось денег стоит, да немалых...

— Ну-у-у, Татьяна Ивановна, весь интерес испортила...

— Ничего, без интереса обойдетесь. Вон включайте магнитофон да пляшите себе, как приличные люди.

— Да уж наплясались вроде...

— А давайте частушки, девки! Мы ж еще частушки не пели!

— Давайте! Дядь Вася, бери гармонь, хватит выпивать-закусывать!

Мама с тревогой искала глазами приглашенную на свадьбу заведующую клубом Виолетту по прозвищу «Сто рублей новыми деньгами». Агрессивно-культурная, эта женщина получила его вовсе не за любовь к деньгам, а за то, что который уже год пыталась поставить в драмкружке при клубе одноименную пьесу Памфилова. Неизвестно, откуда у нее взялась неистовая любовь именно к этой пьесе, но репетиции возобновлялись с завидным упорством и гасли по разным причинам — то не хватало претендентов на мужские роли, то актерские данные работниц швейной фабрики не устраивали. Поймав мамин тревожный взгляд, Виолетта успокоила ее значительным

кивком головы: ничего, мол, не беспокойся, сие народное творчество заранее прошло редактуру относительно нечаянных прецедентов антисоветчины...

Первой в круг выскочила лихая Тамарка, Наташкина одноклассница, взмахнула выбеленными перекисью кудрями:

Печку письмами топила,
Не подкладывала дров,
Все смотрела, как горела
Моя первая любовь!

Мама улыбнулась, кивнула одобрительно. Хорошая частушка, душевная и всем приличиям соответствует. Молодец Виолетта, наверняка сама сочиняла. Если все частушки в таком духе — можно и расслабиться.

Полюбила летчика,
Думала, летает!
Прихожу на эродром,
Он там подметает!

Вслед за Тамаркой частушечное приличие подхватила приятная во всех культурных отношениях Галина Семеновна, сестра директора фабрики, орденоносца Владимира Семеновича Чепикова:

Мой миленок на работе
Всех по нормам обогнал,
Потому что вдохновился —
Ночью «Капитал» читал!

В кругу хлопали вяло, скучновато. На лицах были улыбки, но скомканные какие-то, будто от неловкости.

— Нет, что за народ, — проговорила мама тихо, устало, — все им пошлую частушечную матерность подавай, никакой культуры...

Махнула рукой, пошла в дом — пора торты из погреба доставать, накрывать столы к чаепитию. И вдруг остановилась...

Перестройка, перестройка,
До чего ты довела,
Вместо милого ребенка
Девка гласность родила!

Ах, сволочь Тамарка... Нет, ну что за народ, на минуту отойти нельзя!

Я пойду в коператив,
Денег там захапаю,
Кофту модную куплю,
Пусть миленок лапает!

— Тамара! — крикнули они с Виолеттой возмущенно почти в унисон. И переглянулись, в смятении замолчав.

— А чего такого-то! — запыхавшись, девушка кинула со лба белую челку. — Чего трясетесь, все вам по правилам да по приличиям надо... Все, Татьяна Иванна, кончились ваши приличия! Теперь можно что хочешь говорить! Тем более — частушки петь!

— Ну, тогда бы уж лучше матерные пела... А то — кооператив... Захапаю, главное... Ты не забывай, на чьей свадьбе-то гуляешь...

— Ой, да ну вас! Что, отчет о свадьбе будете в райком писать? И чего я такого спела? Будто для всех большой секрет, что в кооперативах нормальные деньги зарабатывают, а мы на фабрике гроши получаем!

— А ты не ори, не на митинге. Да и там особо не болтай всякие глупости. Сегодня, может, и гласность, и кооперативы, а завтра один бог знает чего будет... И вообще, давайте уже пейте чай да расходитесь, молодым покой дать пора...

— Это кто ж молодой? Ваша Наташка, что ли? — уже несло обиженную Тамарку. — Рады небось, что дочку-перестарка замуж сбагрили?

— А ты не завидуй, Тамара. Завидовать нехорошо. Ничего, и на твоей улице когда-нибудь праздник будет.

Все застыли в неловком молчании, ожидая Тamarкиного ответа. Она стояла бледная, злая, теребила легкий шифоновый шарф на груди, собиралась с духом. Но, видно, так и не собралась. Лишь оглянулась на притихших молодых, махнула рукой и медленно пошла к распахнутой настезь калитке. Надя с жалостью смотрела ей вслед — она любила лихую Наташкину школьную подружку. По крайней мере, всегда доброй была. Помнится, с ней, маленькой,

возилась, с рук не спускала. А папа смотрел на Тamarку и говорил: «Хорошей матерью будешь, замуж поскорее бы выскочить...»

— Надь... Надька... — слышался откуда-то из-за спины сдавленный знакомый голосок.

Обернулась — так и есть, Машка со Светкой за изгородью стоят, подзывают к себе воровато.

— Надьк, иди сюда...

— Чего вам, девчонки?

— А принеси чего-нибудь вкусенького, а?

— Ладно. Конфет хотите?

— Давай! И колбаски еще захвати, и сыру, который с дырками. Только смотри, чтоб мамка не увидела!

— Да ладно... У нас же свадьба, ей не жалко.

— Ну прям... Моя бабушка говорит, что у твоей мамки снегу зимой не выпросишь... Ну, чего встала? Неси давай, раз обещала!

Ох, уж эта Машка Огородникова — до чего ж противная... Самая вредная девчонка в классе! Вот огрызнуться бы и послать к черту, да ладно, все-таки свадьба, ссориться неохота...

Вздохнув, девочка поплелась в дом. В прихожей замешкалась на секунду — глянуть на себя в зеркало, воротничок на платье поправить... И застыла, прислушиваясь к доносящимся из кухни голосам — судя по всему, Виолетта с Галиной Семеновной всю мамину да Наташкины косточки перебивают...

— Ты смотри, как ловко этого детдомовца к рукам-то прибрали, он и опомниться не успел! Это и понятно, парню семьи хочется, тепла домашнего... Татьяна у нас баба ушлая, сразу все козырные карты вычислила! Не мытьем, так катаньем, все равно бы свое взяла! Прикинулась доброй лисичкой...

— И не говори, Виолетта! Знаешь, мне сегодня так жалко этого паренька стало... Хороший же, скажи?

— Конечно, хороший... Но, как говорится, коготок увяз, и птичке конец... Наташка-то едва дотерпела, по-моему, чтоб характер свой зловредный до свадьбы не обнаружить. Эх, пропадет парень ни за грош... Изведут, слопают — не подавятся!

— Ага, ага... Эй, чего такими крупными кусками торт режешь! Татьяна же сказала — помельче!

— Ну да, забыла... Смотри-ка, и тут жадничает, окаянная. Пошли, что ли, к столу? Чаю попьем да по домам разойдемся...

Увидев девочку в прихожей, ойкнули, переглянулись испуганно:

— Надюшка, ты чего здесь... Давно стоишь, что ли?

— Нет, Галина Семеновна, только вошла...

— А... Ну ладно. Пойдем чай с тортом пить, смотри какой, пальчики оближешь! Новомодный, «Птичье молоко» называется!

— Да, я сейчас...

Прошмыгнула на кухню, встала неприкаянно, забыв, зачем пришла. Щеки горели огнем, и было так стыдно, словно ее саму обвинили в неискренности. Будто и она тоже — хитрой лисичкой...

Вспомнила! Она же обещала девчонок вкусеньким угостить: конфетами, колбасой, сыром с дырками. Вон сколько всего в холодильнике... Уж ей-то не жалко нисколечки!

Кулек с «вкусеньким» получился довольно увесистым, и пришлось проявить чудеса изворотливости, чтоб дотащить его незаметно до изгороди, где ждали девчонки. Машка ловко цапанула кулек, спрятала под кофту, воровато отступила на шаг.

— Пошли быстрее, пока ее мамка нас не застукала! — испуганно позвала подругу Светка. Но Машка медлила отчего-то... И вдруг, повернувшись, бросила Надьке в лицо:

— А свадьба-то у вас никаковская получилась, вот! Невеселая совсем, даже рожу никому не набили! И плясали мало, и пели... Значит, не будет молодым счастья!

— Машк... Ты чего злая такая? Просила вкусенького — я принесла...

— Ну и что? Оно ж все равно по благу купленное! Твоей матери лишь бы схватить, что плохо лежит! Бабка говорит — она и жениха для твоей сеструхи так же схватила! Будто по

блату из-под прилавка! А он, малахольный, и поддался!

Надя ничего не ответила, лишь грустно пожала плечами. Чего с нее возьмешь, с этой злой Огородниковой... Она и в школе, например, говорит, что Наде хорошие оценки по блату ставят. Да это ничего, пусть... Но зачем же так про Сережу-то... И никакой он не малахольный, просто очень добрый. И не виноват, что Наташке поверил... Та доброй прикинулась, а парень вовсе не виноват!

Хотя поначалу, тогда, после Нового года, ей показалось, что у старшей сестры и впрямь характер начал меняться в другую сторону. Собиралась на свидание с Сережей, напевала что-то веселенькое себе под нос, крутилась перед зеркалом. Особенно долго ресницы красила, поплеывая в коробочку с тушью и смешно вытягивая перед зеркальцем лицо. Раньше редко когда красилась, а тут...

— Губы-то зачем так ярко намалевала! — озабоченно подглядывала из кухни мама. — Еще подумает, что ты девица легкого поведения, не дай бог! Такой помадой, поди, одни проститутки красятся!

— Ой, мам... — беззлобно отмахивалась Наташка, вытягивая губы перед зеркалом. — Понимала бы чего... Это же самый сейчас модный цвет — яркая морковь...

— Да сама ты морковь! — раздражалась

мама, бухая на плиту чайник. — Тебе ж не мода сейчас главное, а до загса его довести... Дура ты, все неправильно делаешь! Вот скажи, какого лешего ему твоя модная помада сдалась?

— А что ему сдалось, по-твоему?

— Ну, не знаю... В гости бы позвала, я бы пирогов напекла...

— Он и так придет в выходной, тогда и будешь свои пироги подсовывать. Я же все-таки девушка, а не клуша с домашними пирогами...

— Ну-ну. Девушка она, гляди-ка. После Володьки Подкорытова как есть девушка и осталась... Нашла с кем связаться! Поматросил и бросил. Интересно, где у тебя глаза-то были?

— Мам, ты опять... Ну сколько можно, ей-богу? Пять лет с тех пор прошло! Он уж женат, двоих детей воспитывает!

— Да он-то воспитывает, это понятно... А ты на бобах осталась. И сейчас, если будешь морду красить да перед зеркалом вертеться, счастье просвистишь. Смотри, хоть на этот раз удержи. Теперь от меня ничего не зависит...

— Как это — не зависит? — насмешливо повернулась к ней Наталья. — А пироги в воскресенье? Я, что ли, возиться буду?

— Ну да, воскресенье — это само собой... А сегодня куда идете?

— В клуб, на танцы. А потом он меня до дому провожать будет.

— Целовались уже?

— Не-а... Знаешь, такой скромняга оказался, даже с поцелуями не лезет...

— Это хорошо, что не лезет. Значит, серьезные намерения имеет. А о чем хоть разговариваете-то?

— Да так, перебираем ерунду всякую. Вообще-то Сережа скучный: ни анекдота рассказать не умеет, ни выпить с ним, ни поругаться толком... По-моему, он даже голоса повесить не может, не то чтоб по-настоящему разрушаться.

— Я тебе поругаюсь! Ты это... Характер-то раньше времени не выказывай, знаю я тебя! Лучше помалкивай да поддакивай больше, поняла?

— Да без тебя знаю, не учи. А только все равно — скучно.

— Ага... Вон жене Володьки Подкорытова, говорят, шибко весело — каждый день на работу с синяками приходит. А чего он такого рассказывает, что тебе скучно?

— Да так... Про детдом свой, про воспитательницу, про армейских друзей... А еще много читал, про книжки рассказывает. Да и вообще — про жизнь, про планы...

— И какие там у него планы?

— Да обыкновенные. Работа, дом, семья, много детей.

— Ну, и какого еще рожна тебе надо? Или

так и собираешься в девках-перестарках около матери жить?

— Нет, мам, не собираюсь. Мне и самой такая жизнь надоела, когда все, кому не лень, возрастом в глаза тычут. Не торопи меня, сама знаю, что делаю. Будет у меня муж, хоть и скучный, но будет. Успокойся.

— Ну, дай-то бог... Только смотри, чтобы наши профурсетки с фабрики не увели...

— Не уведут. Мы каждый вечер теперь встречаемся, так что, считай, он у меня в кармане.

Надя сидела в своей комнате, вслушиваясь в этот диалог, и замирала душою. Ну почему Наташка с мамой... такие, как не стыдно человека обманывать? Тем более Сережу... Такой открытый, добрый, искренний. Он же сестре верит... Не знает, что та, как в сказке, может из царевны-лебеди в одночасье в злую лягуху превратиться. Однажды в воскресенье, когда парень в гости на мамины пироги пришел, решила даже шепнуть ему на ухо тихонько: «Не верь...» Да только не посмела, застеснялась. Она в его присутствии вообще очень стеснялась, глаз не могла поднять. Да чего там — даже дышать трудно было, все дрожало внутри странной неловкостью, подступало к горлу волнением. Даже за стол с пирогами не садилась, отговаривалась несделанными уроками. Сидела в своей комнате, слушала, как мама с

Наташкой сладко воркуют над гостем... Как потом смеются над ним — простым, честным...

И вот теперь — свадьба. Уже ничего не поделаешь. Наташка сидит за столом в белом платье, в нарядной фате, улыбается горделиво. И Сережа улыбается, целует ее, когда «горько!» кричат. И лицо у него счастливое...

Гости, напившись чаю, начали потихоньку расходиться. Вот Виолетта трогательно расцеловалась с мамой, сладко приговаривая: «Все было чудесно, Татьяна Ивановна, миленько так, пристойненько...» Ушли группкой Наташкины приятельницы с фабрики, и было слышно, как взорвался их дружный смех в конце улицы. Дядя Гриша совсем осоловел — сидел на стуле, свесив длинные руки вниз. Мама с тетей Раей принялись было убирать со стола, разбили красивое синее блюдо из сервиза и махнули рукой — потом, завтра...

— Надька, ты где?

— Здесь, мам...

— Ступай-ка к Полине Марковне ночевать, я договорилась.

— А что, в моей комнате...

— В твоей комнате молодые спать будут.

А им свидетели в первую брачную ночь не нужны, сама понимаешь. Свечкой светить не надо, сами разберутся, чего да как.

— Mam! Ну зачем ты такое при Надьке... — стыдливо одернула ее Наташка. — Смотри,

она сейчас от стыда сквозь землю провалится!
Вишь, вспыхнула как!

— Ой, да ладно... Пусть привыкает, дело житейское. Иди, Надька, не путайся под ногами. Поздно уже, спать пора.

Девочка медленно побрела по улице, зябко поеживаясь и неся в себе странное, довольно болезненное ощущение — то ли это были непролитые слезы, то ли засевавшая от маминых слов пугливая пристыженность. Благо идти было недалеко. Вот и неказистый, одним боком чуть завалившийся на землю домик Полины Марковны, выглядывает плотным желтком окон из зарослей палисадника.

— А, Надюшка... Я тебя жду, спать не ложусь... Иди, я там на топчанчике постелила. Если ночью всхрапну — не обессудь.

— Ладно, тетя Польша. Сейчас умоюсь и лягу. Выключайте свет...

Топчан притулился в самом углу единственной комнатенки, переходящей напрямую в кухню-закуток. Девочка легла, завернулась в одеяло, дала волю слезам... Горячие, обильные, они бежали по щекам, скатывались на ситцевую, пахнущую сухой травой наволочку, застревали в носу, не давая дышать. Хлюпнула тихонько пару раз, пытаясь сглотнуть их вовнутрь...

— Надюха... Ты чего там, реवेशь, что ли?

— Нет, тетя Польш... — прогундосила слезно, сопливо.

— Да я ж слышу! А чего ревешь-то? Радоваться надо — сеструха замуж наконец выскочила, а она ревет...

— Я радуюсь, тетя Польш... Я... Я просто устала сегодня...

— Конечно, надо радоваться! Знамо ли дело — до двадцати семи лет в девках засидеться! Раньше вон таких вообще в монастырь посылали...

— Ну уж и в монастырь! Да за что?

— А ты как думала! Считалось, если замужем не пригодилась, пусть хоть богу послужит.

— Ничего себе... Но она ж не виновата...

— А кого интересует, виновата иль нет?

— Так сейчас ведь не старые времена, тетя Польш!

— Да все одно, что старые, что не старые. Отношение-то к таким девкам одинаковое. Вон твоя мать знаешь как за Наташку переживала? Прямо ночами не спала, все мечтала ее замуж спихнуть... Так что не реви, а, наоборот, радуйся. Иль ты о чем другом ревешь?

— Нет, нет... Да я и не реву больше...

Ладошкой торопливо вытерла слезы, притихла. Прошел по телу испуг: вдруг ушлая Полина Марковна и впрямь поймет, о чем девочка плачет? Хотя — о чем таком вообще можно думать, если она сама себе ответ на этот во-

прос толком дать не может? Да и не догадка это вовсе, а так, маета непонятная, давно поселившаяся внутри маленьким зверьком, иногда сердито щекочущим сердце, иногда ласково-тревожным... Кому он мешает, этот зверек? Пусть себе живет, жалко, что ли? Его никто и никогда не увидит, явью не обнаружит. А плакать и впрямь нельзя... Да и не о чем, собственно... Все же не так уж плохо сложилось в конце концов! Может, и Наташка рядом с Сережей поменяется, подбреет... И она сама теперь парня каждый день будет видеть, чем плохо?

Часть II

— ...За отличную учебу и примерное поведение почетной грамотой награждается ученица десятого класса Истомина Надежда!

Завуч Антонина Степановна торжественно вскинула голову, тряхнув рыхлым подбородком, заулыбалась девушке, торопливо идущей по проходу актового зала. Вручив грамоту, хлопала по плечу, шепнула интимно на ухо:

— Молодец, Наденька, молодец... Так держать... Если и в одиннадцатом классе так же будешь учиться, может, на золотую медаль тебя вытянем...

— Спасибо, Антонина Степановна!

— Да на здоровье, моя умница. Гордость школы...

Надя взяла в руки лощеную грамоту, еще раз пробормотала тихое «спасибо» и под жиденькие аплодисменты разомлевшего от майской жары школьного собрания быстро пошла на свое место в предпоследнем ряду. Сердце в

груди все еще бухало, перемогая волнительную неловкость.

— Надьк, дай хоть позырить, что за бумажки за хорошую учебу дают! — протянулась из-за спины нахальная рука Машки Огородниковой. — Мне-то не светит, я над учебниками задницу не просиживаю... Как моя мать говорит, пятая точка у нормального человека не казенная...

Цапнув грамоту, Машка хихикнула, посопела насмешливо, потом произнесла не без ноток тщательно скрываемого завистливого пренебрежения:

— Ну, и чего? Бумажка, она и есть бумажка... Я понимаю, если б денег отвалили... У отца вон этих почетных грамот — целая пачка накопилась. Как напьется, все грозитя уборную во дворе ими обклеить...

Надя промолчала, лишь слегка пожала плечами. Вообще-то она неплохая девчонка, эта Машка. Ну да, завистливая немного, это есть. Но не злая. Вот мать у нее — это да. Чуть что — сразу руки распускает. А отец пьет сильно, ему не до дочери...

— Фу, как жарко... — обмахиваясь Надиной грамотой, тоскливо проговорила подружка. — И когда только эта бодяга закончится? Отпустили бы уж домой...

— ...Желаю вам, ребята, хорошо отдохнуть на каникулах и с новыми силами, так

сказать... — начала закруглять свою прощальную речь Антонина Степановна, да осеклась на полуслове, потянулась к стакану с водой, одиноко стоящему на столе, крытом багровой суконной скатертью. Глотнула, поперхнулась, махнула рукой, dokonчила сдавленно: — Ну, все, отдыхайте, в общем...

Малышня дружно сорвалась с мест, затолкалась на выходе из актового зала. Машка тронула Надю за плечо, поднимаясь из кресла:

— Ты домой?

— Домой, куда ж еще?..

— Ну, тогда пошли.

— Пошли...

Девочки медленно миновали школьный стадион, поглазели, как пятиклассники, вырвавшись на свободу, тут же затеялись с футболом, оглашая округу визгливыми пацанячьими криками. Немного прошли по центральной дороге, разделяющей поселок на две части, потом вырулили на свою улицу, принаряженную буйно цветущей в палисадниках сиренью. Машка остановилась, сломила веточку, быстро перебрала пальцами мелкие соцветия.

— Говорят, если пятилистник найти, счастье будет... О, смотри, нашла!

— Ну, так и загадывай желание.

— Ага... Так... Чего бы загадать-то?

Машка возвела глаза к небу, старатель-

но наморщила лоб, сосредоточиваясь. Потом произнесла не совсем уверенно:

— Даже не знаю... Пусть сегодня отец трезвым с фабрики придет, что ли...

Надя было вознамерилась усмехнуться — ну что за желание! — но вовремя сдержалась, чтоб не обидеть подругу. Но та уже почуяла ничтожность желания как такового и потому заговорила горячо, словно сама себя оправдывая:

— Нет, а что... Думаешь, приятно каждый вечер в их с матерью скандалах участвовать? Я вот ей недавно говорю: разведись... А она мне: жалко, говорит, его... Что это, говорит, за жизнь, когда мужик свою семью толком прокормить не может? Вон опять вчера зарплату наволочками да пододеяльниками дали... Нету, говорят, денег, берите, что дают! И куда мы с этими хозяйством? В город, на рынок торговать? Прямо нас там и ждали...

— Ага... — сочувственно вздохнула в ответ Надя. — Твоему хоть наволочками дали, а нашей Наташке так вообще сатиновыми халатами... Мама говорит — хорошо, не уволили, пока та с Мишенькой в декрете сидела. И из начальников цеха сестру выперли, когда маме с фабрики пришлось уйти...

— Да, наволочками лучше, конечно. Скорей бы школу закончить да работать пойти,